

М. Ф. ПЬЯНЫХ

М. Горький и суд над Достоевским в советской литературе 30-х годов (проблема трагического)*

Шел третий акт российского XX трагического века. Выступая в августе 1934 года с докладом на I Всесоюзном съезде советских писателей, Горький подверг резкой критике Достоевского и его влияние на русскую литературу предоктябрьского периода, представив великого писателя «в роли средневекового инквизитора» и апологета человека «из подполья» — «эгоцентриста» и «социального дегенерата», — в роли проповедника «звериного, животного начала человека»¹ и идейного родственника фашизма.

В. Шкловский воспринял это обличение как сигнал к суду над автором «Бесов» и «Братьев Карамазовых», заявив: «Я сегодня чувствую, как разгорается съезд, и, я думаю, мы должны чувствовать, что если бы сюда пришел Федор Михайлович (т.е. в Дом Союзов, где проходил съезд и где в свое время — тогда это был дом Благородного дворянского собрания — Достоевский выступил со знаменитой речью о Пушкине. — *М. П.*), то мы могли бы его судить как наследники человечества, как люди, которые сегодня отвечают за будущее мира». «Ф. М. Достоевского, — считал тогда Шкловский, — нельзя понять вне революции и нельзя понять иначе как изменника»².

Ныне, когда наступил эпилог трагического XX века, кое-кто, особенно т.н. демократы, среди которых оказалось немало людей поверхностного, наоборотного мышления, пытается устроить суд над Горьким и его единомышленниками, сделать невозможное — перечеркнуть или

---

* Впервые: Неизвестный Горький. Горький и его эпоха. Мат-лы и иссл. Вып. 4 / ИМЛИ РАН. М.: Наследие, 1995. С. 136–142.

¹ Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934 // Стенографический отчет. М., 1934. С. 11.

² Там же. С. 154.

хотя бы умалить его творчество. Занятие это бесплодное, сегодня надо не судить и ниспровергать Горького, а попытаться посмотреть на него по-новому, сделать необходимую переоценку его творчества, понять, что же помешало писателю в конце его жизни увидеть действительность такой, какой она была на самом деле.

Творчество любого писателя невозможно понять без знания особенностей художественного мировосприятия, в котором, кроме доминирующего эстетического восприятия, дают о себе знать все его индивидуальные, личностные свойства и качества, как природные, так и приобретенные. Развивая традиции Достоевского, русские символисты и философы-соловьевцы постигли его мирозерцание как трагическое, основанное на острой драматической борьбе антагонистических начал: духовного, идеально-личностного, христианского, богочеловеческого, с одной стороны, и природно-чувственного, безличностно-родового, коллективно-эпического, материалистического, атеистического и человекобожеского, с другой. Трагическое мирозерцание знаменовало духовный рост личности, способной преодолеть все темное и косное в себе самой, а через себя — и в душе народа, пожертвовать собой ради высоких духовно-нравственных, эстетических, религиозных и социальных идеалов, а значит — и во имя христианской любви к людям, подавляющему большинству которых эти идеалы оказываются чуждыми или недоступными, но именно они, эти высокие идеалы, должны определять крестный и трагический путь человечества к реализации своих лучших возможностей.

Горький как певец гордого и героического Человека, стремящегося в первую очередь к революционному и социальному преобразованию мира без божьей помощи, стал в русской литературе XX века главным антагонистом Достоевского, воспринимая его художественное и духовное мирозерцание как проявление пассивно-созерцательной и хаотичной русской души, ее темных и звериных инстинктов, а христианское сострадание к униженным и оскорбленным считая унижительным для гордого Человека. При этом автор «Матери» и «Врагов» не чувствовал дисгармонической односторонности в развитии только революционно-действенного и социально-разумного, просветительного начала, недооценивал значимости духовно-нравственной рефлексии, отрицал духовно-просветляющую роль христианских чувств, идеалов и переживаний, революционно-романтически ускорял темпы роста социального сознания людей из народа, прежде всего пролетариев, на которых в основном и было рассчитано героическое мирозерцание.

Героическая личность, в отличие от трагической, не обгоняла в своем духовно-нравственном развитии эпическую массу, не открывала

человеку эпического коллектива идеальной перспективы его внутреннего роста, и поэтому она трагически не отрывалась от массы, а только героически жертвовала собой ради спасения физической, а не духовно-идеальной, жизни людей и ради лучшего их социального и материального существования в будущем. Вот почему для Горького с его героическим и коллективистским миросозерцанием всякое противостояние человека обществу, даже трагедийное противостояние духовно богатой и самоотверженной личности, казалось проявлением индивидуализма и свидетельством разрушения личности.

Особенности трагического миросозерцания Горького помогают понять, почему автор «Человека» и «Матери» превратно воспринимал трагическое миросозерцание Достоевского и еще в 1913 году в статьях «О» и «Еще о» выступил против готовившейся В. И. Немировичем-Данченко постановки «Бесов» на сцене Московского художественного театра, считая Достоевского «злым гением нашим» и гениальным изобразителем «отрицательных признаков и свойств национального русского характера»³. Отказ от показа «Бесов», останавливающий внимание общества на «болезненных явлениях нашей национальной психики... ее уродствах»⁴, необходим был, по мнению Горького, в социально-воспитательных целях, «в интересах духовного оздоровления»⁵. Писатель полагал, что запрет на показ отрицательных свойств национальной психологии будет способствовать ее оздоровлению, тогда как на самом деле он вел к их замазыванию, к лакировке национального характера, к сокрытию его болезней, а не к их духовно-нравственному излечению. Это стало особенно ясно в советское время, когда идеологические запреты на изображение отрицательных сторон жизни стали нормативными для литературы социализма и нанесли ей огромный вред. История XX века показала, что изживание отрицательных свойств характера возможно только на путях духовного преображения и трагического очищения личности и народа и что «трагическое миросозерцание... одно способно дать ключ к пониманию сложности мира»⁶, как сказал А. Блок, уже будучи автором пророческой поэмы-трагедии «Двенадцать»⁷.

Выступление Горького против постановки «Бесов» в 1913 году вызвало широкий протест среди культурной общественности и было

³ Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М., 1953. Т. 24. С. 147.

⁴ Там же. С. 155.

⁵ Там же. С. 149.

⁶ Блок А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 105.

⁷ См.: Пьяных М. «Русский строй души» в революционную эпоху. «Двенадцать» и «Скифы» А. Блока // В мире Блока: Сб. статей. М., 1981.

поддержано только немногими большевиками во главе с Лениным. Не вступая в прямую полемику с Горьким, по-другому оценил инсценировку «Бесов» С. Н. Булгаков, ранее, в сборнике «Вехи» (1909), глубоко проанализировавший отличие интеллигентского героизма от христианского подвижничества⁸. В статье «Русская трагедия» (1914) он делал такой вывод: «Итак, “Бесы” есть символическая трагедия. Но в то же время она существенно есть и русская трагедия, изображающая судьбы русской интеллигенции как определенного духовного уклада личности. Для Достоевского, также как и для нас, прислушивающихся к его заветам, русская трагедия есть по преимуществу трагедия религиозная — трагедия веры и неверия. <...> Стремление ко Христу, бессилие быть с Ним и борьба с Ним будущего своеволия — вот ее предустановленное содержание. <...> И книга “Бесы”, как ни парадоксально звучит это, написана о Христе, любимом и желанном русской душою, о русском Христе, и борьбе с Ним, о противлении Ему — об антихристе, и тоже о русском антихристе»⁹.

В силу особенностей своего художественного и социально-философского мировосприятия, основанного на вере в творческие возможности гордого, деятельного и героического Человека (слово «трагический» было для писателя почти что синонимично слову «героический»), Горький, в отличие от С. Н. Булгакова, не мог увидеть в «Бесах» никакой трагедии, тем более христианской, ибо весь комплекс христианских чувств, переживаний и идеалов был чужд ему, а увидел гениальное изображение только отрицательных сторон русского национального характера и пасквиль на русских революционеров.

Новое выступление Горького против Достоевского, предпринятое в 1934 году, произошло в совершенно других исторических обстоятельствах, чем в 1913 году: теперь «бесы», т. е. большевики сталинского типа, уже держали в своих руках безграничную власть в тоталитарном государстве, строили гулаговский социализм, фабриковали, не без помощи Горького, метод соцреализма, необходимый им для внедрения идеологии сталинизма в литературу и искусство. Правда, поначалу многие советские писатели не замечали «бесовской» работы, воспринимали происходящее как подлинно социалистическое строительство, а Горький определял его как период начавшегося героического деяния и творчества во имя человека. Эта мировоззренческая слепота, усилившаяся у Горького в 30-е годы и поразившая многих советских писателей, оказалась связанной с односторонним, а часто и превратным

---

⁸ См.: *Булгаков С. Н.* Героизм и подвижничество. М., 1992.

⁹ О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов: сб. статей. М., 1990. С. 195.

восприятием Достоевского, которое способствовало деформации и извращению самого понятия трагического в литературе этого времени.

Отвечая своим оппонентам в 1913 году, Горький в статье «Еще о» писал: «Возражения, брошенные мне, брошены под заголовком: “Горький против Достоевского”, причем один литератор приписал мне намерения крайне свирепые. Он говорит, что если бы я был министром, то сжег бы Достоевского. Министром я не надеюсь быть, но все-таки считаю долгом моим заранее успокоить взволнованного писателя: если буду, то не сожгу. Не сожгу, ибо русскую литературу люблю и цену не менее почтенного литератора»¹⁰.

Время сыграло с Горьким злую шутку. Он не стал министром, точнее — наркомом, в советском правительстве, но авторитет его после возвращения в Советский Союз был не меньше наркомовского, он не запрещал Достоевского, а, наоборот, в 1928 году высказался за переиздание «Бесов», а в 1935 году в полемике с Д. Заславским, выступившим в «Правде» против переиздания «Бесов», отметил, что этот роман, вместе с «Братьями Карамазовыми», является самым удачным у Достоевского¹¹, однако после его резкого выступления на писательском съезде Достоевского начали предавать анафеме и практически перестали издавать.

Обличительная критика Горького попала на благодатную для нее почву: на рубеже 1920-х и 30-х годов в ряде произведений советской литературы утверждение героев трудового деяния связывалось с критическим отношением к современным наследникам рефлексирующих созерцателей Достоевского: И. Ильф и Е. Петров сатирически изображают их в «Двенадцати стульях» в образах Васисуалия Лоханкина и жителей «Вороньей слободки»; обитатели скита в «Соти» Л. Леонова гротесково и шаржированно напоминают героев «Братьев Карамазовых»; И. Эренбург в «Дне втором» болеющего Достоевским Володю Сафонова соотносит с Николаем Ставрогиним. Думается, что в этих произведениях не было никакой злонамеренности в изображении современных созерцателей, напоминающих героев Достоевского, а показывался их реальный облик и положение в период, как считали, героического деяния.

Горький в это время и в романе «Жизнь Климса Самгина», и в переоценке образа Луки, превратившегося теперь во «вредоносного»¹²

¹⁰ Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М., 1953. Т. 24. С. 152.

¹¹ См.: Горький М. Несобранные литературно-критические статьи. М., 1941. С. 105; Мясников А. С. Достоевский и Горький // Достоевский — художник и мыслитель: Сб. статей. М., 1972. С. 548.

¹² Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М., 1953. Т. 26. С. 425.

старикашку, и в эпистолярном диалоге с К. Фединым о «рысаках» и «клячах»¹³ не жалуется рефлексирующих созерцателей, неизменно противопоставляя им «героизм чернорабочего, мастерового революции»¹⁴ Степана Кутузова, неразмышляющую «железность» героев «Баллады о гвоздях» Н. Тихонова¹⁵ и т.д. Так, отвечая Федину, Горький писал: «Крайне интересно пишете Вы о рысаке, который возбуждает у Вас досаду, и о “ничтожной кляче”, которая волнует Вас. Это — на мой взгляд — нечто очень древнее и очень христианское. “Муму” Тургенева, Акакий Акакиевич Гоголя и другие “клячи” — это больше не нужно, это — патока, которой не подсластишь горечь жизни нашей, замазка, которой не скроешь глубокие, непоправимые трещины современных форм государства»¹⁶.

Христианское сострадание к падшим, слабым, униженным и оскорбленным, столь важное для понимания трагического мировосприятия Достоевского, всегда было чуждо Горькому как певцу гордого человека и героического деяния, а в годы т.н. социалистического строительства становится еще более непримиримым: в 1930 году он в связи с Достоевским говорит о «христианской, бесчеловечной идее спасительности страдания»¹⁷. В результате исторически и социально оправданная проповедь героического, будучи противопоставленной христианскому состраданию и превратно понимаемому созерцанию, не только усугубила давнюю нравственно-эстетическую и духовную слепоту Горького к трагическому у Достоевского, но и к трагическому в советской действительности 30-х годов: видя в ней героическое, он не видел в ней преступных деяний сталинских «бесов», представляя Достоевского «в роли средневекового инквизитора», он не видел в Сталине Великого Инквизитора современности.

Еще Гете в «Фаусте», изображая строительство плотин и гибель при этом ни в чем не повинных и благочестивых Филемона и Бавкиды, показал, что даже идея благого деяния, направленного на пользу человеку, может обернуться преступлением, если ее исполнителями окажутся Мефистофель и его подручные. В годы сталинизма идея деяния и строительства нового общества была, как никогда, извращена и скомпрометирована невиданными в мировой истории преступлениями

---

¹³ Е. В. Старикова указывает, что образы «рысаков» и «кляч», используемые в переписке Федина и Горького, восходят к Достоевскому. См.: Достоевский — художник и мыслитель: Сб. статей. М., 1972. С. 634–635.

¹⁴ Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М., 1952. Т. 20. С. 45.

¹⁵ Там же. Т. 30. С. 442.

¹⁶ Федин К. Собр. соч.: в 12 т. М., 1986. Т. 10. С. 311.

¹⁷ Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М., 1953. Т. 26. С. 224.

тех самых «бесов», о трагической опасности которых для судеб России и ее народа предупреждал Достоевский.

Одновременно с утверждением героического, нередко фальсифицированного, в советской литературе 30-х годов происходила деформация и извращение трагического. И. Сельвинский в первой своей псевдотрагедии «Командарм-2» (1929) представил героем жестокого и бесчеловечного Чуба, а его антагониста Оконного, человека думающего и гуманного, показал как «интеллигентного хлюпика, с декадентскими вкусами и игрой в “наполеончики”»¹⁸. Вс. Вишневский пишет «Оптимистическую трагедию» (1933), которая на самом деле является героической драмой. В. Киришин в содокладе «За социалистический реализм в драматургии» радовался, что у нас создается «жизнеутверждающая трагедия»¹⁹, а В. Луговской, позднее, в книге поэм «Середина века», внесший свой вклад в «шекспиризацию» советской истории, в речи на I съезде писателей говорил о «сумерках трагедии»²⁰, об уходе ее в прошлое и о замене ее героическим. Нередко герой трагического плана низводился до уровня отщепенца и бандита. Так случилось с Опанасом Багрицкого и Григорием Мелеховым Шолохова. Багрицкий сам превратил своего героя, который в поэме был отмечен знаком трагизма, в отпетого бандита, когда в 1933 году переделал свою «Думу про Опанаса» в оперное либретто. Григория Мелехова пытались произвести в отщепенца некоторые критики и литературоведы. Надо отдать должное мужеству Шолохова, который, не решившись сказать всей правды о коллективизации и раскулачивании в «Поднятой целине», остался на высоте и не покривил душой в изображении трагической судьбы одного из лучших людей из народа — Григория Мелехова. Много было сделано для того, чтобы навести «хрестоматийный глянец» на творчество Маяковского, замазать его лирико-трагедийную сущность. В этом отношении показательны уничижительная оценка А. Безыменским поэмы-трагедии «Про это»²¹ и нечуткость даже друзей поэта к тому, что его самоубийство явилось следствием неразделенной и трагедийной “громады любви” к женщине и к людям, результатом общественной травли²². На самом деле все творчество Маяковского является единым трагедийным действием всемирно-исторического и бытийного масштаба, а сам поэт — его трагическим героем²³. Стремясь,

¹⁸ Резник О. Жизнь и поэзия. Творчество И. Сельвинского. М., 1972. С. 270.

¹⁹ Первый Всесоюзный съезд советских писателей. С. 402.

²⁰ Там же. С. 544.

²¹ Там же. С. 551.

²² См.: Альманах с Маяковским. М., 1934. С. 7–12.

²³ См.: Пьяных М. Мой Маяковский // Вечерняя средняя школа. 1991. № 4.

подобно Горькому, поставить героического и творчески активного Человека на место Бога, Маяковский отличался от Горького тем, что был богоборцем с сердцем Христа²⁴.

Подлинный трагизм и в жизни, и в литературе 1930-х годов стал подпольным и сокровенным: он ушел в ГУЛАГ, в застенки сталинской инквизиции, давал о себе знать в основном в произведениях, которые тогда не могли быть опубликованными: в «Котловане» и «Чевенгуре» А. Платонова, «Мастере и Маргарите» М. Булгакова, «Песни о Великой Матери» Н. Клюева, в трагедийной поэзии О. Мандельштама и А. Ахматовой²⁵, в закамуфлированных исторической темой «Зодчих» Д. Кедрина. Вина за сокрытие и извращение трагического в это время в значительной мере лежит и на Горьком, но она не дает нам права нигилистически относиться к его художественному творчеству, посвященному утверждению героического, социально разумного и активного, устремленного к творческому труду Человека.

---

²⁴ См.: *Пьяных М.* Богоборец с сердцем Христа // Свободная мысль. 1993. № 5.

²⁵ См.: *Пьяных М.* 1) Постигание трагического // Звезда. 1989. № 2; 2) «Меня, как реку, суровая эпоха повернула» // О поэзии А. Ахматовой второй половины 1930-х — первой половины 1940-х годов // Звезда. 1989. № 6.